

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского
языка Мелитопольского
государственного
педагогического университета
имени Богдана Хмельницкого*

ПРОБЛЕМА СОЗНАТЕЛЬНОГО / БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА

В критике и литературоведении как XIX, так и XX в. при исследовании авторской позиции И. А. Гончарова ставилась проблема объективности и субъективности (тенденциозности). При этом субъективность связывалась с сознательным творчеством, а объективность – с бессознательным. За полтора столетия, прошедшие со времени появления в печати первого романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», критическая и исследовательская литература не раз обращалась к вопросу о сознательном / бессознательном в творчестве писателя. Можно даже сказать, что в этом аспекте творческое наследие писателя вообще уникально и является единственным в истории русской литературы XIX века, вызвавшим столь бурную полемику по этому вопросу.

В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» впервые обозначает творчество И. А. Гончарова объективным, противопоставляя автора «Кто виноват?», как преимущественно поэта-мыслителя, автору «Обыкновенной истории», как преимущественно поэту-художнику. В таланте И. А. Гончарова, по мнению В. Г. Белинского, главную роль играет преобладание художественного изображения над прямой авторской мыслью: «У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю; он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона» [3, с. 382].

Мысль В. Г. Белинского об объективности манеры И. А. Гончарова развивается в статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?». Критик не отказывает романисту в «чуткой восприимчивости» и «глубине чувства» [7, с. 343], признавая при этом его объективное творчество спокойным и бесстрастным.

Д. И. Писарев в своей ранней статье «Обломов. Роман И. А. Гончарова», ставит в заслугу романисту «полную объективность» изображения, «спокойное, бесстрастное творчество, отсутствие узких временных целей...» [11, с. 4]. В своих более поздних статьях «Писемский, Тургенев и Гончаров», «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» критик оценивает объективность И. А. Гончарова в резкой тональности уже как недостаток.

В разных вариациях – то с одобрением, то с осуждением – объективность творчества И. А. Гончарова анализируется в работах И. Ф. Анненского, Д. С. Мережковского, М. А. Протопопова, А. М. Скабичевского, Н. В. Шелгунова и др.

Так, если И. Ф. Анненский утверждает, что «Гончарову было положительно чуждо обличительное, тенденциозное творчество» [2, с. 645], то Н. В. Шелгунов в статье «Талантливая бесталанность», апеллируя к статье В. Г. Белинского, утверждает, что И. А. Гончаров – талантливый писатель, лишенный, однако, «светлого прогрессивного ума» [13, с. 210], что его объективное изображение действительности непродуктивно.

Концепция А. А. Григорьева подвергает сомнению традиционное, восходящее к В. Г. Белинскому представление о И. А. Гончарове как об объективном художнике. А. А. Григорьев ут-

верждает, что «Гончаров прежде всего именно писатель тенденциозный» [6, с. 176], что «...построен его «Обломов» по таким же сухим догматическим темам, как «Обыкновенная история» [6, с. 181]. В обеих этих оценках примечательнее всего противопоставление художественного метода И. А. Гончарова. В своей трактовке творчества романиста А. А. Григорьев не видит и элементов бессознательного.

В начале XX в. Ю. И. Айхенвальд в книге «Силуэты русских писателей» называет недо-разумением то, что И. А. Гончарова в течение XIX в. считали объективным художником: «... Гончаров необычайно субъективен в произведениях своего пера, он и не пытается достигнуть писательского беспристрастия» [1, с. 206].

Е. А. Ляцкий в работе «Гончаров. Жизнь, личность, творчество» заключает, что И. А. Гончаров – «один из наиболее субъективных писателей, для которых раскрытие своего «я» было важнее изображения самых животрепещущих и интересных моментов современной или общественной жизни» [10, с. 227]. Исследование Е. А. Ляцкого чрезвычайно богато фактическим материалом, а также целым рядом оригинальных наблюдений. Творчество И. А. Гончарова рассматривается исследователем сквозь призму его биографии. Е. А. Ляцкий трактует субъективность либо в чисто биографическом ключе, либо как «средство» между писателем и его героями.

В. Е. Евгеньев-Максимов смягчает формулировку Е. А. Ляцкого, видящего в основе творчества И. А. Гончарова сублимацию событий жизни писателя: «в процессе поэтической обработки своих картин и образов, Гончаров умел, если возможно так выразиться, объективировать субъективный по своему происхождению материал» [8, с. 149]. Мир, изображаемый писателем, не отделен от его личности, но он, вместе с тем, и не сводится к его автобиографическому полю; не переставая быть индивидуальными, события биографии художника приобретают социально-эстетическое значение.

Как видно, начиная с высказывания В. Г. Белинского о И. А. Гончарове, как о «художнике по преимуществу», и до сравнительно недавних литературоведческих исследований, прослеживается довольно широкий диапазон мнений при освещении вопроса о сознательности / бессознательности творчества романиста.

Характерно, что сам И. А. Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда» избирает главным объектом исследования собственные произведения, свою писательскую индивидуальность во всей ее полноте. Романист подчеркивает, что способность творить сознательно или бессознательно зависит от того, что доминирует в художнике, – «ум или фантазия и так называемое сердце» [5, с. 104]. К первой категории писателей (сознательное творчество) И. А. Гончаров относит художников-проповедников, у которых «ум досказывает, чего не договаривает образ» [5, с. 104]. У писателей иного типа (бессознательное творчество) «при избытке фантазии и при – относительно меньшем против таланта – уме образ поглощает в себе значение, идею» [5, с. 104-105]. К последней категории, опираясь, вернее всего, на отзыв В. Г. Белинского, И. А. Гончаров относит самого себя: «во мне сказался необъяснимый процесс творчества, то есть невидимое для самого художника, инстинктивное воплощение пером-кистью тех или других эпох жизни...» [5, с. 138]. Романист заявляет, что осознание написанного приходит позднее, с помощью критических толкований В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова.

Но следует заметить, что статьи И. А. Гончарова, прославляющие бессознательность творчества, наполнены более чем сознательной интерпретацией собственных романов. Выступая в качестве художника по преимуществу, И. А. Гончаров, в то же время, предпринимает исследование собственного творчества и строит эстетическую концепцию так, что она отражает, в первую очередь, его собственное художественное сознание, его манеру видения и обобщения фактов окружающей действительности. «Вижу не три романа, а один, – пишет романист. – Все они связаны одною общею нитью, одною последовательною идеею – перехода

от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой – и отражением их явлений в моих изображениях, портретах, сценах, мелких явлениях и т. д.» [5, с. 107]. В результате «бессознательный» «поэт-художник» на деле оказывается «сознательным», хотя и не бесстрастным критиком собственного творчества.

По мнению исследователя О. Г. Постнова, единственная возможность осмыслить вопрос о соотношении сознательного / бессознательного в творчестве И. А. Гончарова заключается в «противоречии между писательской теорией и практикой» [12, с. 46]. Это противоречие было у романиста «если и не «движущим», как того требует гегелевская диалектика, то, по крайней мере, стимулировавшим в определенный период творчества его поиски и как художника, и как мыслителя» [12, с. 46]. И. А. Гончаров постоянно находится как бы в двух ипостасях: сознательно-критической и бессознательно-поэтической. Создается впечатление, что романист творит по вдохновению, плоды которого «вмещает» в рационалистические поэтические формы.

Умственный и интуитивный способы исследования жизни в чистом виде крайне редки: чаще всего писатель является и художником, и мыслителем. Как справедливо замечает Ф. И. Буслаев, «истинно и вполне изящно только то, что ведет к добру и правде, что возвышает и облагораживает ум и сердце» [4, с. 466]. Отметим, что Ф. И. Буслаев, ссылаясь на высказывание И. А. Гончарова о сознательном и бессознательном творчестве, подчеркивает, «что мнения таких великих мастеров своего дела, как автор «Обломова», всегда пользуются авторитетностью в эстетической критике» [4, с. 466].

Расцвет творчества И. А. Гончарова приходится на 40-50-е годы XIX в. Занимая важное место в литературном процессе того времени, И. А. Гончаров, оказываясь как бы на перекрестке главных общественных движений эпохи, представляет собой вполне сформировавшуюся творческую индивидуальность, устойчивую в своих убеждениях, воззрениях и вкусах.

По воспоминаниям современников, И. А. Гончаров по складу своего характера далеко не был похож на людей, которых рождали энергичные и деятельные 60-е годы XIX в. Напряженность, импульсивность, одержимость – типичные качества писательских дарований второй половины XIX в. И. А. Гончарову же было свойственно необычное для того времени спокойствие и уравновешенность, что способствовало появлению неверного представления о квиетизме романиста. По убеждению А. Ф. Кони, за внешним спокойствием писателя находилась «глубокая внутренняя отзывчивость на различные явления общественной и частной жизни» [9, с. 70]. Не безразличие к тому, «кто в беде», мы видим в объективной романистике И. А. Гончарова, а его принцип познания мира, эстетический критерий в действии. Эпическая объективность является у И. А. Гончарова, по существу, своеобразной формой выражения активной авторской позиции.

Не без подозрения относился И. А. Гончаров к ломке старых устоев патриархальной России, начавшейся в 1850-60-е годы. В недоверии писателя к бурным переменам и стремительным порывам заявляет о себе определенная авторская позиция, в которой личное начало объединяется с общим, субъективное становится формой существования объективного. Хотя первоначальным пунктом художественного осмысления жизни у И. А. Гончарова являются личные наблюдения и переживания, писатель неизменно поднимается над ними к высотам творческого синтеза.

Таким образом, вся романистика И. А. Гончарова характеризуется динамичным слиянием поэтичности в пластическом воспроизведении писателем характеров с рационалистичностью в приемах и формах их оценок. В своих романах автор изображает жизнь, руководствуясь и сознательным намерением, и неосознаваемыми импульсами, безотчетным желанием сделать что-то именно таким, а не другим образом.

Литература:

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей / Ю. И. Айхенвальд. – М.: Научное слово, 1906. – Вып. 1. – 590 с.
2. Анненский И. Ф. Гончаров и его Обломов // И. Анненский. Избранные произведения. – Л.: Худож. лит., 1988. – С. 641-667.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 8.: Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 – март 1848 / В. Г. Белинский. – М.: Худож. лит., 1982. – 783 с.
4. Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи / Ф. И. Буслаев. – М.: Худож. литература, 1990. – 512 с.
5. Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. – Т. 8.: Статьи. Избранные письма / И. А. Гончаров. – М.: Правда, 1952. – 542 с.
6. Григорьев А. А. Сочинения: В 2 т. – Т. 2: Статьи. Письма / А. А. Григорьев. – М.: Худож. литература, 1990. – 510 с.
7. Добролюбов Н. А. Что такое обломовщина? // Литературная критика: В 2 т. – Т. 1: Статьи 1856-1859 гг. / Н. А. Добролюбов. – Л.: Худож. литература, 1975. – С. 337-378.
8. Евгеньев-Максимов В. Е. И. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество / В. Е. Евгеньев-Максимов. – М.: ГИЗ, 1925. – 168 с.
9. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях / А. Ф. Кони. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
10. Ляцкий Е. А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество / Е. А. Ляцкий. – СПб.: Огни, 1912. – 324 с.
11. Писарев Д. И. Сочинения: В 4 т. / Д. И. Писарев. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 1: Статьи и рецензии 1859-1862. – 390 с.
12. Постнов О. Г. Эстетика И. А. Гончарова / О. Г. Постнов. – Новосибирск: Наука, 1997. – 239 с.
13. Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность // И. А. Гончаров в русской критике: Сборник статей / Н. В. Шелгунов. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 235-276.

Анотація

**О. ХОМЧАК. ПРОБЛЕМА СВДОМОГО / НЕСВДОМОГО
В ТВОРЧОСТІ І.О. ГОНЧАРОВА**

У статті досліджується рецепція творчості І.О. Гончарова в критиці ХІХ ст. й особливості інтерпретації його романів у літературознавстві ХХ ст. і початку ХХІ ст.; аналізується широкий діапазон думок при висвітленні питання про свідомість / несвідомість творчості письменника. Зроблений акцент на амбівалентності авторської свідомості письменника, що знаходить вираження в двох творчих іпостасях: свідомо-критичній і несвідомо-поетичній.

Ключові слова: рецепція, свідоме / несвідоме, об'єктивність, тенденційність.

Аннотация

**Е. ХОМЧАК. ПРОБЛЕМА СОЗНАТЕЛЬНОГО / БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. ГОНЧАРОВА**

В статье исследуется рецепция творчества И.А. Гончарова в критике ХІХ в. и особенности интерпретации его романов в литературоведении ХХ в. и начала ХХІ в.; анализируется широкий диапазон высказываний при освещении вопроса о сознательном / бессознательном в творчестве писателя. Сделан акцент на амбивалентности авторского сознания писателя, что находит выражение в двух творческих ипостасях: сознательно-критической и бессознательно-поэтической.

Ключевые слова: рецепция, сознательное / бессознательное, объективность, тенденциозность.

Summary

**H. KHOMCHAK. THE PROBLEM OF CONSCIOUS / UNCONSCIOUS
IN I.A. GONCHAROV'S CREATIVE WORK**

The article deals with the reception of I.A. Goncharov's creative work in the criticism of the 19th century and the peculiarities of his novels' interpretation in the literary studies of the 20th century and the beginning of the 21st century. In the article it is analysed a wide range of statements while revealing the question of conscious / unconscious in the writer's creative work. The author sets a stress on the ambivalence of author consciousness of writer, that finds expression in two creative posings: conscious-critical and unconscious-poetic.

Key words: reception, conscious / unconscious, objectivity, tendency.